

даже знал, где лежит каждая трава.

Закончив с лекарствами, он направился в маленькую кухню позади дома.

Это была не основная кухня, а личная, когда-то оборудованная специально для Му Цзэланя, чтобы тот мог там готовить отвары и еду.

Она находилась недалеко от комнаты Му Цзэланя, стоило выйти за дверь и немного присмотреться, как её можно было заметить.

Хоть личной кухней явно давно не пользовались, внутри было чисто, а вся утварь для приготовления лекарств осталась на своих местах.

Найдя всё необходимое, он принялся за отвар.

Процесс приготовления лекарства требовал времени и строгого соблюдения последовательности действий. Можно сказать, что Му Цзэлань был донельзя изнеженным.

Не зря же его называли Маленьким Нежным Цветком.

Поставив отвар вариться, он завел таймер на телефоне, чтобы не забыть вовремя добавить остальные ингредиенты.

Вспомнив, что Муму тоже ничего не ел, он заглянул на основную кухню, нашел кое-какие продукты и принес их с собой.

Му Цзэлань спал крепко, но под одеялом, закутанный из-за высокой температуры, ему было невыносимо жарко.

Возможно, поначалу, пока его обнимал Ци Цзилин, он вел себя тихо, но позже, когда тот ушел, жар стал нестерпимым, и ему захотелось сбросить одеяло.

Скинув половину, он наконец почувствовал прохладу и проснулся.

Стоило открыть глаза, как перед взором всё поплыло, в голове стоял туман, а боль была просто невыносимой.

Но самое главное —

А-Лин исчез.

Несмотря на сильное головокружение, Му Цзэлань рывком сел на кровати:

— А-Лин?

В глубине его глаз мгновенно вспыхнул испуг.

Где А-Лин?

Где же его А-Лин?

Осмотревшись, он остановил взгляд на двери: замок, который он запирает ранее, исчез — видимо, кто-то его открыл.

В одно мгновение его лицо стало мертвенно-бледным, а сердце ушло в пятки.

Опять ушел?

И сколько еще теперь придется ждать?

С этой мыслью он отшвырнул одеяло и, не заботясь даже о том, чтобы обуться, бросился к выходу.

Ему было всё равно на сильное головокружение и головную боль.

Он знал лишь одно: нельзя позволить А-Лину уйти, ни в коем случае нельзя.

Выбежав за дверь, он хотел было броситься во двор, как вдруг заметил на противоположной стороне маленькую кухню: из нее валил дым, а внутри мелькал знакомый силуэт.

— А-Лин.

Глаза Му Цзэланя засияли, и он поспешил туда, перейдя на бег.

Он был настолько обессилен, что крик вышел едва слышным.

Ци Цзилин его совсем не слышал.

В этот момент он стоял спиной к Му Цзэланю и готовил еду.

Он сварил рисовую кашу с восемью сокровищами, которую так любил Муму, и приготовил пару простых блюд, в том числе помидоры с яйцом.

Так как Муму болел, ему нельзя было есть ничего острого или раздражающего желудок, поэтому, долго раздумывая, он остановился на этом варианте.

Только он успел выложить блюдо на тарелку, как услышал позади шаги.

Походка была нетвердой, а дыхание — тяжелым.

Хмурясь, он поставил сковороду на стол и развернулся.

— А-Лин.

Му Цзэлань на полном ходу врезался в него, вцепился в него обеими руками и задрожал всем телом. Голос его звучал беспомощно и нежно.

Его А-Лин не ушел, он рядом.

Он прижимался так крепко, как только мог, но сил почти не осталось. Уткнувшись лицом в грудь Ци Цзилина, он чувствовал, как краснеют глаза.

Один лишь бог знает, в каком отчаянии он пребывал, когда увидел, что замок открыт.

Восемь лет одиночества — человек вернулся, а теперь снова исчезнет. Какая безнадежность.

К счастью, А-Лин не ушел, иначе, он чувствовал, просто сошел бы с ума.

У Ци Цзилина сжалось сердце, когда он увидел, как Му Цзэлань, дрожа от страха, вцепился в него.

Взгляд его смягчился, смешавшись с легким замешательством: он, кажется, не ожидал, что реакция Муму будет настолько острой.

— Почему выбежал босиком? Голова больше не кружится? Не болит?

Несмотря на жалость, стоило ему увидеть, как тот не бережет себя, как внутри снова вскипело раздражение.

Он полуобнял его, тыльной стороной ладони коснулся лба — жар всё еще не спал.

Температура не падала.

Погода сегодня тоже была не из лучших: ветер в начале весны был довольно холодным. Глядя на то, что Му Цзэлань даже обуться не удосужился, он прорычал сквозь зубы:

— Му-Цзэ-Лань, ты напрашиваешься на взбучку!

Чеканя каждое слово, он подхватил его под спину и, слегка согнувшись, взял на руки.

— Держись крепче, не упади.

Его лицо выражало гнев и раздражение, а тон был грубым.

— Ох.

Му Цзэлань надул губы, потерся щекой о его грудь и обхватил за шею. Никакого стеснения он не чувствовал.

Восемь лет назад А-Лин уже носил его так, даже переносил из ванной в...

Вспомнив ту ночь восьмилетней давности, он понял, что его мысли стали совсем непристойными.

Глядя на послушного Муму у себя на руках, Ци Цзилин хмыкнул и понес его обратно в комнату.

Укутав его в одеяло и усадив, прислонив к изголовью кровати, он крепко ущипнул Му Цзэланя за щеку и процедил:

— Сам же болеешь, неужели не знаешь? И почему перестал пить лекарство? Из-за того, что я здесь?

Он сам не заметил, что, находясь в обществе, редко называл себя так грубо, да и вел себя иначе.

Но стоило оказаться рядом с Му Цзэланем, как он превращался в того, кому хотелось замучить человека до смерти.

К тому же, он использовал это местоимение только в приступах ярости.

— Не хотел пить.

Прошептал Му Цзэлань.

Тот, кто готовил ему лекарство, ушел, какой смысл было его пить?

— Упрямый, ты хоть понимаешь, в каком состоянии твое тело?

Ци Цзилин был в ярости. Наклонившись, он больно укусил его за губу и отстранился, лишь услышав тихий стон от боли.

Он не давил сильно и не довел до крови — зная, что у Муму от природы чувствительные нервные окончания, он просто хотел, чтобы тот запомнил урок.

— Разве не ты должен знать мое тело лучше всех?

Му Цзэлань, едва соображая из-за жара, прислонился к плечу Ци Цзилина. С самого детства А-Лин был рядом и заботился о нем.

Знал, что он ест, что не ест, на что у него аллергия, и даже какие лекарства нужно пить при болезни...

Даже он сам не знал себя так хорошо, как А-Лин.

Ци Цзилин приподнял бровь, его голос слегка охрип:

— Справедливо. Кто же еще, как не я, знает твое тело лучше всех.

В конце концов, он его пробовал, было бы странно не знать.

От этих слов лицо Му Цзэланя залилось краской:

— Я имел в виду совсем не это.

Почему всё, что говорит А-Лин, звучит так дерзко, словно он делает это не задумываясь?

Ци Цзилин, конечно, понимал, что Муму не вкладывал в это подтекста, но намеренно искажал слова, чтобы поддразнить его.

Ему нравилось видеть, как краснеет Маленький Нежный Цветок. Очень нравилось.

— Я приготовил тебе лекарство и немного еды. Сейчас принесу, сиди здесь, жди меня.

Видя, что «цветок» совсем увял, он сжалился и не стал перегибать палку.

— Хорошо.

Му Цзэлань, прислонившись к изголовью, проводил взглядом его спину, и на губах у него появилась легкая улыбка.

Большой нахал, вредный нахал, дерзкий нахал!

Поняв, что время вышло, Ци Цзилин погасил огонь, перелил лекарство в чашу, взял поднос с кашей и закуской и вернулся в комнату.

— Сначала выпей лекарство.

Он снова коснулся тыльной стороной ладони его лба — жар всё еще был, что только усиливало раздражение.

Целое утро прошло, а температура так и не спала.

Как тут не начать волноваться!

Му Цзэлань был совершенно обессилен, у него не хватало сил даже пошевелиться, он лишь хлопал глазами, глядя на Ци Цзилина.

<http://bllate.org/book/21914/2276786>